Текст · 3 марта 2026, 16:07
Дмитрий Швец,

«Протестовавшие точно не хотели бы ударов по школе». Востоковед Руслан Сулейманов объясняет, как иранцы воспринимают войну

С 28 февраля США и Израиль наносят ракетные и бомбовые удары по Ирану, ссылаясь на то, что исламская республика разрабатывает опасное оружие (включая ядерное).

Эти атаки начались меньше чем через два месяца после масштабных протестов внутри самого Ирана, во время которых оппозиция выступала за демонтаж ультраконсервативного режима. Эти протесты были жестоко подавлены, убиты тысячи человек.

Официальные лица США с одной стороны говорят, что война не ведется для того, чтобы сменить режим, с другой — призывают иранцев выходить на протесты и брать власть в свои руки.

О том, как иранцы воспринимают эту войну и возможен ли сценарий со сменой режима изнутри на фоне боевых действий, «Медиазона» поговорила с востоковедом и экспертом NEST Centre Русланом Сулеймановым.

Как информация сейчас поступает из Ирана

Интернет работает с перебоями, информацию получать сложнее и сложнее: мои знакомые в Иране отвечают спустя несколько часов, а кто-то не был в сети с субботы. Но по обрывкам информации,

которые мы получаем, можно говорить, что на территории страны ведутся боевые действия, по территории страны наносятся удары.

Реакция на смерть аятоллы Хаменеи

Конечно, есть те, кто радуются смерти Хаменеи, кто ликует, но в большей степени это те, кто находится за пределами страны. Внутри Ирана, если мы говорим о каком-то массовом движении, то это все-таки скорее скорбь, это оплакивание — не потому, что все его так любили, но даже с точки зрения противников он принял мученическую смерть, не прятался и не бежал.

Это у многих, повторюсь, даже среди его ненавистников, вызывает если не уважение, то сочувствие. В шиитском исламе то, какую смерть принял человек, часто важнее, чем то, какую он прожил жизнь.

Почему не началась новая волна протестов против режима

Падают ракеты и бомбы, люди озабочены в первую очередь безопасностью: они пытаются покинуть крупные города, как это было и в прошлом году во время 12-дневной войны.

Самое главное, как мне кажется: протест в Иране никогда не был организован, у него не было ярко выраженного политического лидера, идеологии или силы, за которой люди бы пошли. Как правило, иранцы выходят сами за себя, и это безоружные люди. Они выходят против государства, у которого

монополия на насилие — поэтому когда Дональд Трамп призывает иранцев выходить на улицы и свергать режим, брать власть в свои руки, то он призывает их, по сути, идти на верную смерть.

Силовики сохранили контроль в государстве

Возможно, был расчет на то, что после гибели Хаменеи режим посыпется, но этого не произошло. В частности, Корпус стражей исламской революции мгновенно организовал ответ и стал наносить удары по израильской территории, по территории других государств в регионе.

Несмотря на обезглавливание всей военной верхушки, система продолжает функционировать, и силовой аппарат продолжает работать как на внешнем направлении, так и на внутреннем. А это — сотни тысяч силовиков, военная бюрократия, помимо этого есть мобилизационный корпус, который готов исполнять свои функции.

Когда создавалась Исламская республика Иран, одна из ключевых идей заключалась в том, чтобы это не была какая-то персонифицированная власть. При Хаменеи власть рассредоточилась по нескольким центрам принятия решений, у которых есть определенная доля автономности. Режим, так или иначе, все эти годы вел борьбу за существование и точно не держался на одном человеке. Даже потеря руководителей Минобороны, Генштаба и КСИР не стала фатальной.

Если режим сохранится, то вряд ли он пойдет на смягчение

В последние годы активно обсуждался транзит власти: все понимали, что рано или поздно не станет верховного лидера. Обсуждалась даже перестройка, по-персидски так и говорили: перестройка.

В условиях внешнего вторжения реформы отброшены на второй план, режим ведет борьбу за существование. Реформисты сейчас не имеют особых шансов.

Теоретически, режим мог бы избрать новым верховным лидером человека, близкого к реформистам. Но этого не произошло: силовики правят бал, и без их одобрения нового верховного лидера избрать нельзя. Временным верховным лидером Ирана пока что избран аятолла Алиреза Арефи — это человек из ближайшего окружения Хаменеи, по сути, его протеже, и уж точно не сторонник реформ.

Иранцы едва ли воспринимают США, Израиль и наследника шаха Пехлеви как союзников

Какая часть общества поддерживает вторжение — это открытый вопрос, но принципиально здесь то, что США и Израиль не ведут войну какими-то хирургическими методами, ликвидируя только руководителей государства.

Это война против всего Ирана, инфраструктуры, в том числе гражданской, и с жертвами среди гражданского населения. И это — точно не то,

чего хотели бы иранцы, даже поддерживающие идею внешнего вторжения. Вот точно не хотели протестующие в декабре-январе, чтобы удары наносились по школе для девочек.

Как сообщают иранские власти, 28 февраля была атакована школа для девочек в городе Минаб, погибли 168 человек. Школа, как отмечает «Би-би-си», расположена рядом с базой КСИР, которая уже подвергалась бомбардировке в 2025 году. Вашингтон настаивает, что США «никогда бы не нанесли намеренный удар по школе».

Ракеты прилетали по жилым домам. Я видел какие-то цифры — они могут быть завышенными, но принципиально, что это уже не совсем война с режимом. Эта идея, мягко говоря, не очень привлекает даже тех иранцев, которые выступали против режима.

Наследник шаха Реза Пехлеви, хотя и стал в некотором роде объединяющей фигурой, сейчас поддерживает США и Израиль, призывает людей выходить на улицы. Но что он предлагает взамен — до сих пор неясно, ему нужно заручиться поддержкой духовенства, силовиков, бюрократии, а этого мы не наблюдаем.

Пока что он не пользуется таким авторитетом, чтобы ему было достаточно как аятолле Хомейни в 1979-м году прилететь в Тегеран и объявить о победе революции.

Редактор: Максим Литаврин